

Иван Шитляк

*«Штыком и гранатой, солдатской сноровкой
Мы взяли немало преград.
Мы знали, сражаясь за нашу Чижовку:
Ведем бой за свой Сталинград...»*

Года проходят, а для меня эта солдатская песня звучит как тогда, в далеком 1941 году, после первого сражения.

Свой первый бой я запомнил на всю жизнь – как и все солдаты. Он начался утром 6 июля 1942 года, чуть севернее Воронежа, в селе Подгорном, на тихом Дону.

Мы знали, что на нас идут танки. Поэтому добравшись до Подгорного – будущего оборонительного рубежа в боях за Воронеж – мы, не отдыхая, начали копать окопы, сооружать блиндажи. Командир повторял: «Земля родная, спасительница наша. Чем глубже вроешься, тем меньше потерь».

Наступило утро. Как из-под земли выросли стальные чудовища. За ними поспешала пехота. Каждый артиллерист знал: если уж бить из сорокапятки, то только вблизи, с 60-80 метров, по боковой, уязвимой броне танка. А лучше - по бензобаку.

Пора. Выстрел и снаряд вошел в бортовую броню, над немецким чудовищем поднялся столб черного дыма. Меня привалило землей. Точно бы задохнулся, но товарищи откопали.

В первом своем боевом крещении мы выстояли пять вражеских атак. В том первом бою я был командиром противотанкового 45-мм орудия.

Это была победа в первом бою, но за первым боем наступает второй, сотый, тысячный.

Впереди был Чижовский плацдарм! Если и существует на свете ад, то через него я прошел именно там. Уличные бои за Воронеж продолжались 212 дней и не уступали Сталинградским ни в ожесточенности, ни в упорстве.

В начале сентября 1942 года я вошел в секретную группу из 50 человек, которая была тайно переброшена к зданию ВОГРЭСа. Мы по ночам строили

невидимую для врага переправу, чтобы в ночь с 14 на 15 сентября по этим настилам один за другим пошли наши танки.

Над поймой взвилась зеленая ракета - сигнал к атаке, — и на чижовские холмы обрушился огненный смерч артиллерийского и минометного огня. Столбы черного дыма, словно огромные кулисы дьявольского театра, закрыли панораму правобережья. Чижовка на несколько месяцев превратилась в пылающий факел. За три дня сентября наши части, форсировав реку у дамбы, продвинулись вперед на три - четыре километра и в рукопашных схватках овладели господствующими высотами.

Как описать эти месяцы боев?

Помню как носил на спине ящики со снарядами, заряжал орудие, смотрел в прицел, падал на землю при близком разрыве, видел, как разлетаются в прах подбитые автомашины, солдатские повозки врага и сами враги, менял позиции, снова и снова вгрызаясь в сыпучую и податливую родную землю.

Для всех эта кровавая бойня предстала во всем ее отвратительно-неприглядном величии, в мучениях, страданиях, в крови и смерти боевых друзей. Видеть смерть всегда тяжело, но наблюдать, как собирают бесформенные клочья того, кто делился с тобой щепоткой табаку, кто грел тебя своим телом, кто еще полчаса назад ел с тобой из одного котелка, — до боли сердечной, до слез было горько. Мы постоянно были в тревожном ожидании схватки с врагом, в готовности достойно встретить свой последний час.

А в сводках было сказано: за три дня в боях сгорело 48 немецких танков и бронетранспортеров. Более 600 орудий и 150 пулеметных точек было подавлено нашей левобережной артиллерией.

Каждый день боев на Чижовке, каждый час был одинаково тяжелым и кровавым. И где не брала наша 45-миллиметровая пушечка, выручал героизм солдат, бросавшихся под танки со связками гранат.

Героями сражений были все!